

ЧАВА 1

Она вогнала штык лопаты в землю. Легко вогнала, хотя земля, спекшись под августовским солнцем, больше напоминала асфальт, а не картофельную грядку. Чуть наклонилась и почти без усилий вывернула твердый ком почвы. Подбросила его повыше. Ком упал, распался в пыль. И на грядке остались лежать шесть картофелин, размером чуть больше грецкого ореха.

Смех, а не урожай!

Картошка не уродилась. Морковка напоминала тощий крысиный хвостик. Следов свеклы не нашлось. Помидоры завяли через неделю после высадки. Только мучает землю и себя заодно.

— Не годишься ты, Ева, для сельского хозяйства. Зачем взялась?

Лида Ермакова, чей участок находился слева от ее, каждый день ругала Еву, нависая грудью над низеньким заборчиком.

— Только землю мучаешь. Ей бы плодоносить, столько лет под парами стояла. А ты ей не даешь! Ведь просила же отдать мне участок в аренду. Настырничает?

Нет. Она не настырничала. Она просто не хотела, чтобы по ее участку жирными змеями расползлись резиновые шланги, подающие воду и удобрения. Чтобы Лида тут без конца сновала, стояла в позе «задом к солнцу» и совала нос не в свои дела. Особенно не хотелось ее вопросов!

— А ты чего это в небо смотришь? Уже полчаса, и даже не моргаешь!..

— Ева, а это что у тебя в руке? Пистолет?! Самый настоящий?! Ох господи! Зачем он тебе?..

— А что это у тебя за папки такие с тесемками? Дела? Ты их украла? Из полиции, когда уходила, украла?..

Лида ухитрялась доводить ее до бешенства своими многочисленными вопросами, находясь по ту сторону забора. Что же будет, когда она пересечет этот рубеж и будет в непосредственной близости?

Бесцеремонность и назойливость была у нее заложена на генетическом уровне. Перевоспитать ее будет невозможно, даже если Ева и приложит максимум усилий. Поэтому она решила — нет. Никакой аренды. Пусть так.

— А тебя оштрафуют, — пригрозила Лида вчерашним вечером, обиженно помолчала и добавила: — За то, что земля сорняком зарастает.

— А я ее травой засею, — пообещала Ева, лениво улыбаясь трудолюбивой соседке по даче. — И буду стричь газонокосилкой раз в два дня.

— Ага! Ты будешь! — недоверчиво покрутила Лида головой. — С твоими-то навыками.

И, повернувшись, пошла прочь от забора.

— С какими навыками? — крикнула ей вслед Ева.

Она, конечно, поняла, на что Лида намекает. Не дура! Поняла и пристала. Зачем, спрашивается? Чтобы еще раз услышать? Чтобы снова ковырнуть подсыхающую болячку?

Совсем свихнулась. Мазохистка чертова!

— С какими навыками, Лида? — громче заорала Ева в широкую спину своей соседки по даче.

— А то ты не знаешь, — фыркнула та, обращаясь. — С навыками убийцы, Ева. Так все про тебя писали зимой. Все газеты и журналы. Черным по белому: навык убийцы помог офицеру полиции Еве Валентиновне Звонаревой выжить, бла-бла-бла. И так далее.

Конкретно про «навык убийцы» Ева не читала. Много читала про ошибку кадровой политики полиции, в ряды которой она затесалась. Про собственную профнепригодность. Про превышение служебных полномочий.

И... так далее, как скажет Лида.

Кто же, интересно, написал о ней именно так? Какой-нибудь острослов, выпрыгнувший одновременно и со студенческой скамьи, и из коротких штанишек? Корреспондент с именем поостерегся бы именно так о ней писать. Побоялся бы судебного преследования и... так далее.

— А что это за навык такой, Лида? Расскажи? — пристала к ней вчера вечером Ева, не желая отпускать дело просто так.

— А я знаю! — Лида остановилась, повернулась, спрятала руки за спиной. — Так писали!

— А что еще писали? — вкрадчивым голосом поинтересовалась Ева. — Мне вот некогда было читать. Все пропустила, пока со мной разбирались. Пока допрашивали, пока увольняли. А? Что еще писали? Про этот самый навук?

— Ну... — Лида задрала голову к небу, начинавшему темнеть к ночи. — Что когда-то давно ты жила за границей в неродной семье. Там было много приемных детей. И что те люди воспитывали вас как наемников. Учили... Типа выживать в трудных условиях, еще убивать учили.

Раскопали! Надо же!

Раскопали историю ее страшного сиротского детства. Расписали, идиоты, под школу боевых искусств. Только все там было немного не так. Правильнее, совсем не так.

Заграница была совсем ближней. Бывшая союзная республика. Родные родители Евы находились там в командировке и однажды погибли на горной дороге, когда сель сошел. Она в это время была в детском саду в той же республике. Оформили на полгода, пока родители работали. После их гибели родственников не нашлось, и Еву из детского сада напрямую отправили в местный детский дом. А оттуда ее забрала многодетная семья уважаемого человека, который...

Ева стиснула зубы и тут же запретила себе вспоминать. Это было всегда страшно, это было всегда больно. Тот, кто написал про это, не знал и сотой доли истины. Он просто не мог знать.

Или знал?

— Не верь никому, Лидочка, — с вялой улыбкой произнесла Ева и ушла в дом.

Уселась в скрипучее плетеное кресло на веранде и просидела, почти не двигаясь, до четырех часов утра. Она ни о чем не думала в эти часы. Она ничего не видела. Она просто отключила себя, как делала всегда, когда острая боль подступала слишком близко к тому, что многие привыкли называть душой.

Она не знала, что Лида проторчала у своего окна, выходявшего на ее веранду, до полуночи. Она горестно вздыхала, ругала себя за несдержанность и грубость и даже всхлипывала от жалости к соседке. Заодно и себя жалела. Спала бы уже давно, а приходилось топтаться и караулить эту малахольную.

Ближе к полуночи Лида устала наблюдать за странной соседкой. Покрутила пальчиком у виска, протяжно зевнула и ушла спать.

Утром, когда она вышла на улицу, Ева уже ковыряла лопатой слежавшуюся землю, пытаясь нарыть картошки.

Только откуда же ей было там взяться! За картошкой особый уход требуется. А она — ее странная соседка Ева — решила, что просто воткнуть в землю семена будет достаточно? Вот и получай урожай — курам на смех.

— Как картошечка? — не выдержав долгой томительной тишины, крикнула Лида и привычно повисла грудью на заборе.

— Никак, — отозвалась Ева и бросила лопату на грядку. — Нет ее.

— А я тебе говорила! — обрадовалась Лида перспективе снова поучить Еву уму-разуму. — Земля ухода требует.

— Не начинай, — миролюбиво попросила Ева. Отряхнула руки, потянулась. — Давай лучше чаю попьем, что ли.

— А давай. Только... — Лида беспомощно оглянулась на свой дом. — Я еще в магазин не ходила. Булок нет.

— Я сходила. Булки есть. Еще и пряники и два пирожных. Корзиночки твои любимые. Заходи.

Повторять дважды Лиде было не нужно. Она сгоняла в дом, переделалась из домашнего теплого халата, который надевала после сна, в трикотажное яркое платье. Обула легкие сандалии и через пять минут входила к Еве на участок.

Всю дорогу от калитки до крыльца она неодобрительно качала головой, бубнила про руки, которые растут не из того места у Евы, и жалела землю. Но как дошла до крыльца, Лида заткнулась. Уселась на скрипучий венский стул, другого тут не было. Разложила локти на круглом старом столе, который Ева застелила по случаю совместного завтрака одноразовой белоснежной скатертью. Пробежалась глазами по тарелкам

с булками, пряниками, пирожными. Удовлетворенно улыбнулась.

— Неси чайник, — скомандовала она и подвинула к себе большую высокую чашку с ядовито-красной розой на боку.

Ева послушно ушла в дом, подхватила с плиты чайник, заварку и пошла на крыльцо. Насыпала заварки в пузатый заварочный чайник с такой же розой на боку. Влила кипяток. Села в свое старое плетеное кресло напротив Лиды. Уставилась на нее не мигая. Та сразу занервничала.

— Вот терпеть не могу, когда ты так на меня смотришь! — выпалила она через минуту. — Что?!

— Ничего. — Ева медленно качнула головой.

— Ничего себе ничего! Как же ничего, если ты смотришь как удав! Я так не могу. Это не уютно. Это страшно. Что не так, ну!

— Ничего.

Ева отвела глаза и потянулась к заварочному чайнику. Разлила заварку, долила кипятка в чашки. Потянулась за сахаром, всыпала себе сразу три ложки.

Лида наблюдала с завистью.

— Везет тебе! — скрипнула она стулом, завозившись. — Сахар жрешь килограммами. Булки мешками, а все равно тощая, как спица. А я тут с воды пухну. Почему так, а, Ева? Как думаешь?

— Порода, — ответила она туманно и отхлебнула сладкого чая из чашки.

И тут же зажмурилась от удовольствия и подумала, что она никогда не пресытится вкусной едой. Сколько бы ни прожила еще на земле, никогда не пресытится.

После стольких голодных лет в приемной семье...

— А скажи мне, Лида. — Ева перестала жевать пирожное и застыла с раздутой щекой, рассматривая соседку, словно незнакомку.

— Ну, начинается. — Та в сердцах швырнула чайную ложечку на стол. — Так и знала, что твой змеиный взгляд таит в себе какую-то гадость. Допрашивать станешь, Ева Валентиновна?

— Не. — Ева проглотила пирожное, запила чаем, улыбнулась. — Просто говорить.

— Ну!

— Не сохранились ли случайно у тебя газеты и журналы, где черным по белому некто писал о моем инстинкте убийцы? Я тут утром по Интернету пошарила. Ничего! Ничего похожего не нашла. Писали много...

— Только ленивый не писал, — фыркнула Лида, перебивая. — Шутка ли! Ты сынка знаменитого папаши подстрелила. И не его одного, а еще парочку его друзей. Заказали всю эту писанину, Ева. Чтобы шуму было больше. Чтобы создать этот... Как его?..

Лида пощелкала пальцами и беспомощно взглянула на Еву.

— Резонанс, — подсказала та.

— Именно, — похвалила Лида с благодарной улыбкой. — Хорошо, что насмерть не убила ни-

кого. Отделались испугом да легкими ранениями. А то бы... Сидеть тебе, Ева, на нарах. Точно сидеть.

— Так что, Лидочка?

— А что? — Та, съев пирожное, потянулась к сдобе.

— Не сохранилось статей у тебя лично? В Интернете ничего нет. Видимо, влиятельный папаша все же одумался. Понял, что его чаду этот шум только навредит. Станет темным пятном на его, сволочь, безупречной репутации, — скрипнула Ева зубами. — Нет статей?

— Статей?

Лида надкусила маковую плюшку, замерла, взгляд ушел в себя, шея вытянулась. Она пыталась вспомнить.

Ева ей не мешала. Медленными глотками пила очень сладкий чай.

— Надо поискать, — произнесла Лида со вздохом и принялась обкусывать плюшку по кругу. — Где-то могут быть. Печи у меня нет. Топить не надо. Выбросить я не могла. Надо искать.

— Ищи, — благословила ее Ева с осторожной улыбкой.

Заподозрить соседку по даче во лжи она не могла, хотя по привычке и хотела. Лидочка не врала, ей было незачем придумывать, что кто-то написал о ее детстве. А вот тот, кто написал, большую часть выдумал. То есть соврал. И у Евы родился логичный вопрос: зачем? Создать резонанс? Его и так хватило. Папа одного из подстреленных ею мерзавцев постарался.

Кажется, даже перестарался, если, конечно, статья о ее детстве была его заказом.

— Что, прямо сейчас искать? — вытаращилась на нее Лида. — Дай хоть чай допить, ненормальная!

— Допивай, Лидочка. — Ева шумно поднялась и двинулась с веранды к крыльцу.

— А ты куда? — заорала ей вслед соседка.

— А я докопаю картошку.

И ушла на грядку, где бросила лопату и свой неуродившийся урожай.

Она копала, возилась с мелкой картошкой, ссыпая ее в старую наволочку. Слышала, как ворчит на веранде Лида, но головы в ее сторону не поворачивала. Она устала от нее. Она вообще в последний год очень быстро уставала от людей.

— Поэтому ты принялась их отстреливать? Потому что от людей устала? — попытался пошутить один из ее бывших коллег, когда она ему в этом призналась.

Друга звали Егором. Он был ее напарником. И долгое время изо всех сил старался, чтобы быть не только им. Пытался ухаживать, заботиться. Неуклюже, неумело, но искренне.

Ева его не гнала, но и не отвечала взаимностью. Они так и не переспали.

А потом она сорвалась, наделала ошибок. Ее уволили.

Егору намекнули, что общение с опальным капитаном Звонаревой нежелательно и может навредить его карьере. Егор вспыхнул, полез на

рожон, принялся нарочно афишировать их общение. Но Ева смогла его приструнить. В какой-то момент просто сказала, что не любит его и что он ей не нужен. Грубо сказала, почти не выбирая выражений. И вот уже...

А сколько? Месяца два, три? Да, что-то около того, почти три месяца они не виделись. И не созванивались. Скучает ли Егор, Ева не знала. Она же...

А, неважно!

Лида ушла, оставив на столе грязные чашки. Обиделась.

Когда их чаепитие случилось мирным, она обычно прибирала на столе. Уносила в дом чашки, мыла, ставила на полку. Булки и пряники накрывала стеклянным блюдом, чтобы не зачерствели.

Сегодня она не прибрала. Обиделась? Или ушла, чтобы найти статьи для Евы? Если так, то не очень-то она спешила. Ева успела вырыть и собрать всю картошку в наволочку, а на это у нее ушло почти два часа.

— Хороша подушечка, — пнула Лида раздувшуюся наволочку и насмешливо протянула: — И это весь урожай?

— Ага.

Ева выпрямилась, втыкая лопату в землю. Кивнула на трубочку из газет в Лидиных руках.

— Нашла?

— Нашла, — отозвалась та ворчливо. — Только не все тут. Что-то, наверное, выбросила. Три газеты нашла. Одного издания. Но точно